

УДК 72(09)(571.1)

Искусствоведение

В статье произведен семантический анализ сибирской манихейской храмовой архитектуры. В работе с материалом соотнесены особенности планировки, числовая символика. Особое внимание уделено элементам зороастрийского и гностического мистицизма в геометрических формах и пропорциях западносибирских храмов. Были рассмотрены также признаки присутствия аспектов манихейской веры в традициях западносибирского шаманизма.

Ключевые слова и фразы: архитектура; храмы; манихейство; зороастризм; гностицизм; синкретизм; Западная Сибирь.

Пасечник Владислав Витальевич

*Алтайский государственный педагогический университет
skiper31@yandex.ru*

СИМВОЛИКА МАНИХЕЙСКОЙ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Открытия, совершенные в области археологии и этнографии XX-XXI вв., позволяют утверждать, что манихейство играло значительную роль в культурогенезе коренных народов Западной Сибири. Некоторые онтологические и эстетические аспекты алтайской, хакасской и тувинской форм шаманизма указывают на их манихейские корни. Идея Бога и Антибога, Творения и Антитворения, противопоставления духовного и материального начал, разделения вселенной на зоны могли возникнуть автономно, но, учитывая исторический контекст участия восточноиранских переселенцев в формировании древнетюркской культуры, разумно предположить и то, что мировоззрение тюркоязычного населения Западной Сибири, так или иначе, сложилось под влиянием «иранского», манихейского элемента. Эта идея получила большее развитие в трудах Л. Р. Кызласова. Им совершен ряд открытий, среди которых обнаружение уникальных храмовых комплексов на территории Минусинской котловины. Первый памятник такого рода – руины средневекового монументального храмового здания – был открыт в 1971 г. в ходе археологической экспедиции в межгорной котловине, расположенной в Батенёвском кряже в верховьях реки Бюрь при впадении в нее реки Сорга. Сооружение, сложенное из сырцового кирпича, заметно выделялось среди найденных средневековых архитектурных памятников Среднего Енисея, основным строительным материалом для которых служило дерево [2, с. 35]. Изучив планировку здания, а также проанализировав сопутствовавшие находки, археологи пришли к выводу, что здание имело религиозно-культурное значение и, вероятно, входило в манихейский храмовый комплекс. Сравнивая «соргский храм» с аналогичными находками на территории Туркестана, Л. Р. Кызласов предполагает, что проникновение манихейской традиции на Восток в эпоху Средневековья способствовало процессу взаимного обмена духовно-материальных ценностей, образов и мотивов гностического религиозного искусства.

Кызласов описывает обнаруженное строение как прямоугольное здание размером 37,5 x 28,5 метров, со стенами из сырцового кирпича, стоящее на массивной каменной платформе. Внутренняя площадь сооружения составляла 800 м². Потолок и стены выбелены известью. Четыре платформы-суфы расположены вдоль стен, поверх каменного фундамента настлан твердый глинобитный пол, своды галерей поддерживают деревянные колонны. Главный вход обращен на восток, имеется пандус и широкая дверь, малый вход расположен в северной части и также имеет пандус. Исходя из найденного материала и учитывая сопутствующие находки, Кызласов делает вывод: храм был построен в середине VIII в. и пребывал в эксплуатации до X века. Внутреннее убранство «сорского храма» в период его непосредственного использования поддерживалось в чистоте – помещение подметалось, полы подмазывались. Колонны с параболическими капителями регулярно оштукатуривались особо плотным составом. Кызласов предполагает, что свет в храм проникал через специальные проемы, расположенные под потолком, либо через световодный люк [Там же, с. 13].

Храмы и монастыри последователей Мани строились по определенным канонам, включающим в себя астрономические и теологические принципы. Святилища отображали иерархию космических духов (зримо присутствующих на небе в виде светил – Солнца, Луны и пяти планет). Здесь в культовых комплексах манихеев прослеживается влияние зороастризма и авестийской космологии. Число святилищ равняется семи, что соответствует числу дней в зороастрийской неделе, а также количеству почитаемых в зороастризме святых духов амэша-спента – Спента Майнью («святой дух»), Воху Мана («благая мысль»), Аша Вахишта («истина»); Хшатра Вайрья («власть»), Армайти («благочестие»), Аурват («целостность»), Амертат («бессмертие») [5, с. 8]. Л. Р. Кызласов, сравнивая храмы Уйгурского Каганата и Древней Хакасии с монастырскими городами согдийцев, отмечает: «Сабейцы канонизировали планировку храмов, связав каждое божество с определенной геометрической фигурой. Прежде всего у них, как и у индийцев, «квадрат символизировал небесный мир, которому присущи вечный порядок (гармония) и устойчивость. Земному миру присущи движение и развитие – его символом становится круг» [Там же, с. 17]. Элемент круга имел огромное значение в планировке манихейских святилищ. Важность круга как священного символа в религиозно-философском сознании Древнего Востока подчеркивал К. Г. Юнг. Он рассматривал восточную мандалу как магический барьер, способный отделить сферу сознания от океана бессознательного. «Мифологические мотивы, наличие которых установлено исследованием бессознательного, многообразны, но они соединяются в концентрически-радиальном

порядке, в центре, или в сущности, коллективного бессознательного. В силу удивительного согласия между воззрениями йоги и результатами психологического исследования я избрал для этого центрального символа санскритский термин “мандала”, что значит “круг”» [6, с. 30]. Для манихея, как представителя гностической культуры, круг являлся образом мистической защиты и вместе с тем образом сосредоточения мысли, возможностью отсеять истинное и необходимое от преходящего.

Принцип круга находит свое выражение в центральном сооружении манихейского монастырского комплекса – куполообразной вихаре. Присутствие этого элемента свидетельствует о тесном взаимодействии манихейства с некоторыми формами буддизма, а также с зороастрийским культом. Кызласов пишет о найденных в ходе экспедиций следах жертвоприношений: «У южной стены зала нами была расчищена жертвенная яма (глубиной в 0,9 м) с костями крупной рыбы, птицы и мелкого рогатого скота – остатки обитателей воды, воздуха и поверхности земли. По типологии Масуди, прямоугольный храм посвящался манихеями богу планеты Марс. Так как жертвы в виде плоти обитателей всех трех миров, расположенных на вертикальной оси Вселенной, были засыпаны землей, то, видимо, они составили откуп за землю хозяину Преисподней – самому Богу Зла» [2, с. 24]. Эти детали устройства сибирских святилищ свидетельствуют о том, что в поздней манихейской традиции обряды включали в себя не только почитание Отца Величия и его свиты – благих начал, – но и задабривание его противника – Царя Тьмы. Этот мотив очень важен для понимания мировоззрения манихеев и гностической космологии в целом. Идея Антибога, Владыки материальной Вселенной нашла свое отражение в христианской теодицее. Однако здесь важно обозначить некоторые акценты, определяющие характер дихотомии добра и зла. Если в Ветхом Завете он представлен как член высшего сословия ангелов, архангел либо серафим, отпавший от Творца и извративший его творение, то в манихействе Антибог – олицетворение материального начала Вселенной, средоточие Зла, не взбунтовавшееся против Абсолютного частного, но фундамент демиургического космоса, мира чувственного, иными словами, та «холодная могила» и «пастбище смерти», о которых говорил в «Пэмандре» Гермес Тресмегист [4].

Характерной чертой манихейского вероучения является жесткая дуалистическая модель мира, где материя противопоставляется вселенскому духу. Оба этих начала имеют свою персонафикацию – Отец Тьмы и Отец Величия, также упоминается еще одна ключевая фигура в этом конфликте – Первочеловек-Ормазд, порождение и защитник Жизни. Вселенная возникла в результате покушения материи-тьмы на чистоту духа-света и, как следствие, их смешения.

Царство Света состоит из пяти Величий.

Это Отец и его двенадцать Эонов, и Эон Эонов, Живой Воздух,

Световая Страна,

Великий Дух веет в них и кормит их светом.

Царство Тьмы, также состоит из пяти обителей.

Это Дым, Огонь, Воздух и Вода и Тьма.

Гибель их пресмыкается в них, и понуждает их воевать друг с другом.

Борясь друг с другом, они исполнились смелости

напасть на Страну Света, думая, что могут победить ее.

Но не ведали они, что задуманное ими падет на их собственную голову [3].

Конечная цель существования Вселенной согласно представлениям манихеев – освобождение частиц духа из плена материи. Всякая природная жизнь, возрождающаяся снова и снова в нечистом телесном мире, представляет собой процесс духовного развития, целью которого является опять же освобождение от материального естества. Дуализм теологии в манихействе распространяется и на космологию, и на антропологию. С точки зрения манихеев, человек – это порождение дьявольских сил (рожденный от союза демонической пары Ашкалун и Намраэль), темница Света и Духа. Таким образом, он сочетает в себе две природы – преходящую, вечно перерождающуюся, и непреходящую, неизменную.

В дальнейшем такое видение мира нашло отражение в традиционном мифологическом мировоззрении западносибирских народов. Представление о существовании доброго и злого начал является основой мифологической картины мира алтайских шаманистов. Как отмечает исследователь традиционных алтайских верований А. В. Анохин, в шаманизме «духи бывают или чистые (арӯ), или нечистые, черные (кара)» [1, с. 3]. Такое деление сверхъестественных существ вполне соответствует дуалистической традиции зороастризма и, как следствие, манихейства (ср. два начала «аша» и «друдж» в авестийской традиции). В земном мире также присутствуют проявления благой и дурной природы – так, по мнению алтайцев-шаманистов, болота и пустоши, пещеры и ущелья обязаны своим появлением злему божеству, в то время как местности, благоприятные для жизни людей и выпаса скота, – результат творческой деятельности доброго божества. Как и в манихействе, в традиции западносибирского шаманизма присутствует понятие «злой природы», или «jāk кара tōc», что буквально можно перевести как «черное, враждебное (ненавистное) людям начало» [Там же].

Бог света в традиции западносибирских народов звался Ульгень (Ўlgән), в другой традиции – Юч-Курбустан. Средоточие темной силы – божество Эрлик (Ärlük) во многом напоминает манихейского Царя Тьмы. Так же как и в манихействе, старшие божества шаманистской религии имели в своем подчинении младших духов-архонтов. Помимо Юч-Курбустана шаманисты почитали также тогус буркан – или девять бурханов, эманации Юч-Курбустана, которые, возможно, выполняют те же функции, что и архонты в синкретических учениях, таких как герметизм и каббала. В шаманистской традиции также встречаются упоминания о Ўlgәнi й ұлдары, или сыновьях Ульгенья [Там же, с. 5], покровительствующих тем или иным сеокам.

Эрлик также имеет сыновей, населяющих пределы его подземного царства (обычно шаманисты упоминают от семи до девяти «сыновей» Эрлика). Подобно тому, как манихеи задабривали Царя Тьмы, шаманисты совершали подношения Эрлику. В откуп приносилось большое или старое животное, обряд сопровождался специфическим устным заговором, демонстрирующим пренебрежительное отношение шамана к темному божеству:

Эта моя парылҕы (жертва) пусть вручится вамъ,
Голова моя да здравствует!
Не вынуждайте, назад, славословить (васть).
Если проживу три года спокойно,
Еще пусть ваши жертвы до него дойдутъ
Вы обессиливаете (не только обыкновенных, но) и хорошаго шамана [Там же, с. 2].

Исходя из приведенных материалов, можно утверждать, что манихейское вероучение серьезно повлияло на онтологическое, аксиологическое и эстетическое мировосприятие коренных народов Западной Сибири. Устройство средневековых манихейских храмов Западной Сибири, в свою очередь, отражало религиозно-философскую дихотомию и синкретический характер этого гностического учения. Более глубокое изучение архитектурных памятников манихейской религиозной культуры позволит точнее описать культовые традиции средневековой Сибири и объяснить дальнейшее развитие синкретических верований, основанных на гносе, и их ассимиляцию в духовно-материальной культуре Азии.

Список литературы

1. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910-1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Л., 1924. 148 с.
2. Кызласов Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 8-36.
3. Манихейский псалом [Электронный ресурс]. URL: http://apokrif.fullweb.ru/gnost/manich_psalom.shtml (дата обращения: 05.11.2016).
4. Пэмандр [Электронный ресурс]. URL: <http://apokrif.fullweb.ru/hermes/germ1.shtml> (дата обращения: 05.11.2016).
5. Соколов С. Н. Зороастризм // Авеста в русских переводах (1861-1996) / сост. И. В. Рака. СПб.: Нева; Летний сад, 1998. С. 5-17.
6. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994. 255 с.

SYMBOLISM OF MANICHAISTIC CHURCH ARCHITECTURE OF WESTERN SIBERIA

Pasechnik Vladislav Vital'evich
Altai State Pedagogical University
skiper31@yandex.ru

The article provides a semantic analysis of Siberian Manichaistic church architecture. The author analyzes originality of design, numerical symbolism. Special attention is paid to the elements of Zoroastrian and gnostic mysticism in geometrical forms and proportions of Western Siberian churches. The paper also identifies features of Manichaistic belief in traditions of Western Siberian shamanism.

Key words and phrases: architecture; churches; Manichaeism; Zoroastrianism; gnosticism; syncretism; Western Siberia.

УДК 165.9

Философские науки

В статье проанализировано становление теории «языковых игр». Особое внимание уделено автору этого термина австрийскому философу Л. Витгенштейну, который фактически наделил язык собственной субстанциональностью и, вследствие этого, не зависимым от субъекта функционированием. Таким образом, язык, понимавшийся в древности как инструмент, которым человек может овладеть и использовать по своему усмотрению, был переосмыслен и понят как самостоятельная действующая сила, результатом сего было признание активной роли языка в ментальных процессах.

Ключевые слова и фразы: язык; языковая игра; мышление; ментальные процессы; «призраки» познания; Витгенштейн.

Пашковская Татьяна Григорьевна, к. филос. н.

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
czaczulia@inbox.ru

ИДЕЯ «ЯЗЫКОВЫХ ИГР» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Внимание к языку как к важному агенту интеллектуальной деятельности процессов неоднократно оказывалось в центре рассуждений крупнейших философов, среди которых Аристотель, Ф. Бэкон, Л. Витгенштейн, Ф. де Соссюр и др. Данная проблема поднималась в рамках разных философских систем и во все исторические